

К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ОБРАЗА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

В.Т. Веред

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия

В статье рассматривается проблема перевода метафорических средств выразительности в художественном тексте в аспекте сохранения их коммуникативно-прагматической функциональности. Решается вопрос о метафоре как универсальном когнитивном механизме номинации окружающей действительности и создания художественных образов, при этом учитывается национальная языковая и культурная специфика коммуниканта, создающего метафорическую форму. Лингвистический анализ формы и содержания текста перевода в сопоставлении с формой и содержанием оригинала позволил выявить случаи полной и частичной трансляции метафоры и описать сопутствующие лексико-грамматические межъязыковые трансформации. Невозможность полной трансляции метафоры исходного текста в переводной объясняется как особенностями внутреннего развития языков, так и характером языкового мышления двух народов. Отсутствие трансляции в переводе считается фактором, снижающим функциональную эквивалентность текстов.

Ключевые слова: метафора, художественный перевод, переводческие трансформации, трансляция, прагматика, функциональная адекватность.

Язык представляет собой не только систему языковых средств и правил их употребления, но и то «зеркало», в котором отражается характер национального мышления, культура и психология народа. Одним из таких «зеркал» является метафора с ее широким функциональным потенциалом.

Метафорические тропы отражают мир в конкретно-чувственной форме, являясь средством образного представления действительности. «Метафора играет крайне важную роль в интеграции вербальной и чувственно-образной систем человека, а также является ключевым элементом категоризации языка, мышления и восприятия» [8]. Образное мышление дает возможность увидеть больше того, что дано в непосредственном восприятии. Сложные связи объективного мира зачастую глубоко скрыты и не могут быть охвачены одним чувственным созерцанием. Здесь на помощь человеку приходит его творческая фантазия, которая, как отмечает Гегель, обладает «способностью свести вместе то, что по внешней связи лежит далеко друг от друга» [7].

Метафору, как и любое языковое явление, можно рассматривать в двух плоскостях – метафора и действительность, метафора и читатель. Соответственно, переводческая проблематика оказывается непосредственно связанной с решением вопроса о взаимосвязи познания, языка и культуры. В когнитивной лингвистике метафору характеризуют как базовый прием познания и номинации объектов реального мира, как инструмент порождения новых смыслов и создания художественных образов. Естественно, что в зависимости от преобладающего рода деятельности коллектива, географических и климатических условий его жизни какие-то стороны объективной действи-

тельности получают большее или меньшее отражение в языке. Вместе с тем различия в материальной культуре и социальных обычаях отнюдь не ведут к различию в психологии человеческого познания. В этой связи высказывались Дж. Лакофф и М. Джонсон: «Метафора не ограничивается одной лишь сферой языка: сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны. Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека» [6].

Отсюда следует вывод, что метафора является универсальным когнитивным механизмом, свойственным всем людям, при этом метафора неизбежно несет в себе культурно-специфическое содержание. Эту мысль также подтверждает М. Снелл-Хорнби: «Как абстрактный концепт метафора может быть универсальной; однако в ее конкретной реализации, будучи тесно переплетенной с чувственным восприятием и культурно обусловленной, она, несомненно, осложняется характерными особенностями языковой специфики» [16].

Воссоздание речевой образности, в частности, тропов метафорической группы, стало одним из актуальных вопросов теории и практики художественного перевода. В.Н. Телия предвидела, что метафоризация как один из способов смыслопроизводства займет в теории языка еще более заметное место, чем словообразование, поскольку метафора когнитивно обрабатывает не только номинативные единицы языка – слова и сочетания слов, но и строевые элементы языка, а также любые осмысленные отрезки текста – начиная от высказывания и кончая целым текстом [10].

Перевод – явление сложное, многогранное, поэтому процесс перевода может быть объектом

изучения не одной, а нескольких разных наук. Так, художественный перевод в силу своей специфики тесно соприкасается, с одной стороны, с такими языковедческими дисциплинами, как грамматика, стилистика и т. д., а с другой стороны – с эстетикой, литературоведением, психологией и т. д. Однако основной базой развития современной теории перевода, безусловно, считается лингвистика.

Конечная цель художественного перевода – воспроизведение текста с одного языка на другой при сохранении инварианта его содержания, представляющего собой онтологическое единство коммуникативного, стилистического и прагматического аспектов. Сохранение содержания перевода настолько важно, что в теории перевода появился и вошел в научный обиход термин *инвариантность* перевода (А.Д. Швейцер, Герт Егер, В.Н. Комиссаров), призванный уточнить термины *адекватность* и *равноценность*, так как первый наиболее верно отражает необходимость передачи оригинала в полной сложности его содержания, то есть при переводе учитывается не только передача собственно информативного содержания оригинала, но и адекватное его восприятие.

Сам факт, что конечный адресат является членом языкового коллектива, живущего в иных социальных, исторических, географических и климатических условиях, со своей, одному ему присущей спецификой национально-культурного самосознания, объясняет то, что перевод не может существовать вне ориентации на конечного адресата. Все это способствует включению в орбиту проблематики художественного перевода прагматических вопросов, являющихся органическими составляющими частной и общей теории художественного перевода.

Представляется, что разработку вопросов, связанных с функциональной адекватностью перевода, целесообразно начать с изучения прагматического аспекта конкретных языковых явлений. В настоящей работе специфика перевода метафоры исследуются на материале английского и русского языков, то есть в пределах частной теории перевода, однако можно с уверенностью сказать, что данная проблематика актуальна и важна также и для общей теории перевода.

Цель исследования заключается в изучении общих закономерностей восприятия метафоры участниками двуязычного коммуникативного акта, а также выявлении и описании основных типов лексико-грамматических межязыковых трансформаций, способствующих достижению функциональной адекватности при воссоздании метафоры с английского на русский язык. Материалом исследования служат английские метафоры, обнаруженные в романе Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» [15] и их русские эквиваленты, предложенные переводчицей Евгенией Калашниковой [12].

Вскрывая семантический процесс метафоризации, мы должны обратиться к определению метафоры, данному П.Я. Гальпериным: метафорой называ-

ется «отношение предметно-логического значения и значения контекстуального, основанное на сходстве признаков двух понятий» [3]. Иными словами, метафора – это результат одновременной синкретичной реализации в слове двух типов значения. В ономазиологическом плане метафоризация является собой результат вторичного окказионального переименования, связанный с вычленением и переносом признака с одного предмета на другой.

Опираясь на положение, что значение слова раскладывается на элементарные единицы смысла – семы, В.Г. Гак сформулировал закономерности сочетаемости слов, которые отвечают одному из трех условий: а) наличие общей семы в обоих членах словосочетания; б) отсутствие в одном из членов словосочетания сем, противоречащих семам другого члена; в) погашение в одном из членов словосочетания сем, противоречащих семам другого члена, либо перенос из одной семантемы в другую недостающих сем [2]. При вторичном окказиональном переименовании расширение валентности зависит от выполнения одного из этих условий, чаще всего первого.

Вторичное окказиональное переименование, осуществляемое на основе переноса признака с одного предмета на другой, сопровождается сдвигом денотативной соотнесенности и появлением новой референциальной соотнесенности, при этом новая референциальная соотнесенность определяется как результат совмещения узувального денотата и окказионального референта. Как отмечает А.Л. Коралова, «удвоенное видение рождает третью картину, вбирающую в себя все необходимые существенные признаки двух предыдущих» [5]. Под денотатом в настоящей работе понимается класс предметов, соотносящихся со словом как дискретной единицей языковой системы, под референтом – предмет или класс предметов, соотносящихся со словом в его конкретном речевом употреблении.

Таким образом, семантическая валентность предполагает семантическую близость сочетающихся слов на уровне смысла, определяется или наличием общей семы, связывающего семантического компонента, или наличием сем, относящихся к близким семантическим сферам, отражающим реальные связи предметов и явлений во внеязыковой действительности. Поэтому нарушение валентности и, как следствие этого явления, окказиональную сочетаемость слов в процессе перевода можно назвать намеренной смысловой «ошибкой».

При выявлении семантических соответствий/несоответствий в процессе перевода метафоры с английского языка на русский мы будем опираться на компонентный анализ, включающий в себя сопоставительное изучение смысловой стороны двух текстов. Адекватность перевода зависит от того, находят ли коммуникативно релевантные семы оригинала свое отражение в переводе. Семантическая модель перевода особенно хорошо работает на материале метафоры, позволяя на-

глядно выявить, какая сема актуализируется в процессе метафоризации, с каким признаком денотата она соотносится и адекватно ли воссоздается на русский язык.

В результате семантического анализа метафорических выражений на языке оригинала и вариантов их перевода на русский язык были выявлены следующие типы переводных соответствий (о них ниже), классифицированные нами по двум критериям: 1) сохранение принципа имплицитности метафорического переосмысления и 2) тождественность актуализируемых в процессе переименования смыслов.

В зависимости от соблюдения данных критериев мы выделили случаи: 1) полной трансляции метафоры, то есть максимального сохранения ее коммуникативно-прагматического эффекта в переводном тексте; 2) частичной трансляции, когда метафора вызывает схожую, но не тождественную реакцию читателя на конечное сообщение; 3) отсутствия трансляции метафорического образа.

Первый тип переводных соответствий представляет собой буквальный перевод метафоры оригинала на язык-реципиент. Детально проследить процесс метафоризации в английском и русском языках можно на конкретном примере:

The exhilarating ripple of her voice was a wild tonic in the rain.

Журчание ее голоса влилось в шум дождя, как бодрящий эликсир.

По своей структуре данное предложение представляет собой развернутую метафору, организованную цепочечным принципом. Первый метафорический компонент *ripple of her voice* 'журчание ее голоса' построен на основе имплицитного сопоставления двух номинативных единиц (журчание и голос) посредством актуализирующего компонента (вода). Общими признаками, на основе которых происходит сдвиг денотативной соотношенности, являются «движение» и «течение». Свойства текущей/волнующейся воды приписываются объекту окказионального наименования – голосу. За этим следует совмещение окказионального референта *голос* и узуального денотата *журчание*. Согласно словарю Collins, *ripple is a slight wave or undulation on surface of water* 'волнение на поверхности воды'. Таким образом, при отождествлении голоса с водой наблюдается перенос свойства воды производить характерные звуки – журчание – на объект переименования. По синтаксическому устройству данная метафора относится к генитивному типу. В генитивной конструкции на первом месте расположена рема сообщения, выраженная существительным в Именительном падеже, а на втором – тема, являющая собой зависимый компонент, стоящий в Родительном падеже.

В русском переводе не наблюдается ни лексических, ни грамматических трансформаций оригинального метафорического тропа, а потому можно с уверенностью заключить, что в рассматриваемом случае функционально-прагматическая направ-

ленность метафоры в английском и русском тексте романа оказалась полностью идентичной. Такой тип переводных соответствий мы будем называть полной трансляцией.

Второй компонент развернутой метафоры, отождествляющий *журчание голоса* с *wild tonic in the rain* (досл. 'бодрящий эликсир в дожде'), переводится на русский язык глагольной конструкцией со сравнительным элементом: *влилось в шум дождя, как бодрящий эликсир*. В данном примере мы обнаруживаем нарушение принципа имплицитности метафорического содержания: смысл эксплицируется путем введения в предложение сравнительного оборота. Однако при переводе метафор с английского языка на русский ведущим типом трансформаций мы считаем лексические, а грамматические трансформации рассматриваются нами как лексико-грамматические, так как грамматическая форма и синтаксическая конструкция не мыслятся в процессе перевода как нечто самостоятельное в отрыве от их лексического наполнения, что особенно характерно при переводе метафор. Соответственно, несмотря на утрату метафорической формы, оригинальный образ и его прагматический потенциал в тексте перевода сохраняются. Подобный тип переводных соответствий справедливо отнести к частичной трансляции метафоры.

К частичной трансляции относятся также случаи перевода метафорических выражений, осуществляемые с помощью лексических замен. Как, например, в предложении:

Conduct may be founded on the hard rock or the wet marshes.

Поведение человека может иметь под собой разную почву – твердый гранит или вязкую трясиину.

Существительное *conduct* 'поведение' в данном предложении подвергается метафорическому овеществлению, в результате которого абстрактному понятию приписываются физические характеристики объектов реального мира. Таким образом, знания человека об окружающей действительности помогают ему структурировать менее понятную концептуальную сферу посредством переноса характерных признаков с одного объекта на другой. Подобная метафорическая проекция составляет сущность когнитивного ресурса метафоры.

Возвращаясь к переводческим трансформациям, мы можем отметить, что в данном предложении использовался прием конкретизации *hard rock* 'твердый камень' → *твердый гранит* (родовое понятие заменяется видовым), а также прием семантической модуляции *wet marshes* 'сырое болото' → *вязкая трясиина* (замена словосочетания близким ему по смыслу аналогом). Рассмотренные способы прагматической адаптации не предполагают значительного изменения содержания высказывания в переводе, а лишь способствуют приведению текста в такую форму, которая максимально бы облегчила его восприятие, при этом оказав адекватный коммуникативный и эстетический эффект на иностранного читателя.

В анализируемом примере помимо описанных выше лексических трансформаций отмечается также развитие метафорического образа (добавление фразеологической единицы *иметь [под собой] почву*). Назначение данной переводческой трансформации мы усматриваем в создании смысловой законченности развернутой метафоры. Подобное преобразование происходит, как нам представляется, вследствие того, что русский язык как бы «сопротивляется» семантической усеченности метафорической структуры, типичной для английского языка.

К числу самых широко используемых видов трансформаций при переводе метафорических выражений относятся: 1) перевод, основывающийся на ином, но схожем образе [4]; 2) вариативные соответствия, применяемые в случае наличия нескольких зафиксированных в словаре эквивалентных выражений [9]. Так, авторская метафора *breath-giving air* (досл. ‘воздух, дающий дыхание’) переводится на русский язык выражением *напоенный свежестью воздух*. В рассматриваемом примере функциональная эквивалентность достигается путем замены мотивирующего образа, лежащего в основе окказиональной номинации.

Вариативные соответствия, предложенные Я.И. Рецкером [9], работают в случае перевода конвенциональной метафоры, зафиксированной в словаре, однако не потерявшей своей первоначальной яркости и «живого» образного смысла. К примеру, метафорическому выражению *to get roaring drunk* в словаре Cambridge Dictionary [13] дается следующее определение: *to get very drunk and noisy*, то есть не просто прийти в состояние сильного алкогольного опьянения, но, помимо этого, начать вести себя шумно/буйно. В русском варианте романа данная метафора переводится одним из множества эквивалентных соответствий – *напиться вдребезги*. В толковом словаре Д.Н. Ушакова [11] наречие *вдребезги* является многозначным: 1) на мелкие части, кусочки; 2) в сочетании с выражениями, означающими опьянение, – окончательно, до потери сознания. Таким образом, в русском переводе метафоры отсутствует семантический компонент, указывающий на шумное поведение пьяного человека. Следовательно, в данном примере мы обнаруживаем лишь частичную трансляцию метафоры из текста оригинала в переводной текст, в связи с чем коммуникативно-прагматический эффект сообщения ослабевает, а рецептор перевода получает исходную информацию не в полном объеме.

Метафорический образ, заключенный в данной фразе, требует более подробного анализа:

It was a factual imitation of some Hotel de Ville in Normandy, with a tower on one side, spanking new under a thin beard of raw ivy.

Это была точная копия какого-нибудь Hotel de Ville в Нормандии, с угловой башней, где новенькая кладка просвечивала сквозь редкую еще завесу плюща.

В предложении, описывающем особняк главного героя, присутствует отличительная деталь,

позволяющая читателю сразу же догадаться о том, что герой романа – «новоиспеченный» богач. Башню особняка покрывает «редкая борода [из] дикого плюща», что характеризует жилище типичного нувориша Америки 20-х гг. – в отличие от владельцев родовых поместий, на стенах домов которых разросся плотным ухоженным ковром плющ. Генитивная метафора *thin beard of raw ivy* переводится на русский язык со значительными семантическими потерями. В частности, уникальное метафорическое выражение утрачивается в русском варианте романа, а на его месте выступает тот промежуточный семантический компонент, на основе которого изначально происходила актуализация метафорического смысла (борода – завеса – плющ). Помимо этого, опускается прилагательное *raw* ‘дикий’, ‘неухоженный’, в оригинале направленное на создание и поддержание метафорического образа. В анализируемом примере нарушается принцип имплицитности метафорического переосмысления, а также нарушается тождественность актуализируемых в процессе переименования смыслов, что ведет к практически полной утрате метафоры. Метафорический образ настолько ослабевает, что рассматриваемый перевод близок к случаю отсутствия трансляции метафоры.

Отсутствие трансляции метафорического образа в тексте-реципиенте считается довольно редким явлением, так как в теории перевода существует закон сохранения метафоры, согласно которому оригинальный образ должен по мере возможности воспроизводиться во вторичном тексте. Нарушение данного принципа ведет к тому, что эстетический и прагматический эффект фразы значительно снижается. Опускание метафоры исходного текста или ее перефразированный перевод (толкование) следует признать «серьезным средством искажения авторского замысла» [1].

Так, в исследуемом романе мы встретили пример опущения метафорического образа в следующем отрывке предложения:

... there were twinkle bells of sunshine in the room.

... по комнате прыгают солнечные зайчики.

Авторская генитивная метафора *twinkle bells of sunshine* ‘мерцающие колокольчики света’ переводится на русский язык устойчивым словарным сочетанием – *солнечный зайчик*, в результате чего происходит полная потеря оригинальной образности и, как следствие, прагматический эффект метафоры сводится к нулю. Конструкция *there were* трансформируется в переводе в глагол действия *прыгали*. Таким образом, актуализируется сема движения и вскрывается внутренняя форма русской языковой метафоры (свет «прыгает», как зайчик). Однако подобная переводческая стратегия не соответствует исходному авторскому замыслу.

В практике перевода возникновение подобных ситуаций неизбежно, что объясняется как особенностями внутреннего развития языков, так и характером языкового мышления народов. Чем больше

культурологическая дистанция между двумя контактирующими народами, тем выше уровень «помех» в процессе коммуникации, тем больше несовпадений и «белых пятен» (лакун) обнаруживается в картинах мира носителей двух языков. Воспринимая явления, принадлежащие к другой культуре, реципиент интерпретирует их в образах и категориях своей собственной, что и определяет степень понимания явлений неродной культуры.

Метафоры, включающие в свой состав национально-специфический компонент, представляют собой наибольшую трудность при переводе. Например, в предложении *They meet all kinds of crazy fish* мы встречаем номинативную метафору *crazy fish* ‘чудная рыба’, призванную указать на особый тип/характер людей. В английской лингвокультуре существительное *fish* ‘рыба’ обозначает не только определенное водное животное, но и используется в качестве вторичной номинации. Так, в словарной статье Collins [14] одному из лексико-семантических вариантов многозначной единицы *fish* сопутствует следующее определение: *a person thought of as like a fish in being easily lured by bait, lacking intelligence or emotion* ‘человек, которого легко поймать на удочку, как рыбу на приманку; тот, которому не хватает ума и сообразительности’. В данном примере вторичное наименование базируется на сдвиге денотативной отнесенности на основе общего признака «легко заманиваемый, глупый» с объекта первичной номинации на объект вторичной номинации, при этом архисема «животное» замещается архисемой «человек». В русском варианте романа данная метафорическая номинация полностью разрушается и заменяется крайне обобщенным толкованием – *сомнительные типы*, что, естественно, ведет к утрате оригинального образа и оказываемого им прагматического воздействия на реципиента.

Следующий яркий пример отсутствия трансляции метафоры можно обнаружить в переводе, отсылающем нас к образу главного героя романа:

I was looking at an elegant young roughneck, a year or two over thirty...

Передо мною был просто расфранченный хлыщ, лет тридцати с небольшим...

Существительное *roughneck* обладает двумя значениями: 1. *a rough or violent person*; 2. *a worker in an oil-drilling operation* [14]. Причем первый лексико-семантический вариант ‘грубый или жестокий человек’ исторически развился из второго ‘бурильщик нефтяных скважин’, изначально обозначающего крепкого человека, занимающегося тяжелым физическим трудом (*roughneck* досл. ‘человек с натруженной шеей’). В анализируемом предложении полисемичное существительное *roughneck* реализуется во втором значении, характеризуя главного героя как выходца из простой рабочей семьи, добившегося успеха своим упорным каждодневным трудом. В русском варианте романа полностью подменяется метафорическая основа данной номинации *roughneck* → *хлыщ*,

чему, скорее всего, способствуют рядом стоящие определения *elegant* ‘элегантный’ и *young* ‘молодой’. За разговорным существительным *хлыщ* в русском языке закрепляется значение ‘франтоватого и пустого молодого человека’, что совершенно не соответствует истинной авторской оценке главного героя. Таким образом, функциональная эквивалентность в данном переводе отсутствует.

Рассмотренные случаи отсутствия трансляции метафоры во многом связаны с наличием национально-специфических элементов в языке, которые не поддаются механическому переносу в иноязычную социокультурную среду. Особенности менталитета и культуры двух народов становятся объективным источником лингвокультурных лакун. В свете вышесказанного можно сделать вывод, что метафорические выражения, содержащиеся в своем составе безэквивалентные лексические единицы, правомерно относить к лингвокультурным лакунам, оказывающим существенное влияние на понимание и перевод художественного текста.

Общие закономерности процесса метафоризации в рассматриваемой паре языков оказались идентичными, то есть метафоры строились по единой схеме, однако метафоризация в каждом конкретном языке отличается национальной спецификой. Это подтверждает положение о том, что метафора представляет собой диалектическое единство универсального и специфического. С одной стороны, это универсальная человеческая способность мыслить метафорически, а с другой – специфика национального менталитета определенной языковой общности.

Выделение и перенос признака, лежащего в основе аналогии, под которой понимается какое-либо сходство между предметами и явлениями в остальном различными, оказывается ведущим элементом, «рычагом», приводящим к выбору соответствующего метафорического образа. Перенос наименования с одного предмета на другой, человеческое мышление проводит определенную сравнительную операцию, в которой отражается психологический склад нации, общность материальной жизни людей, проявляющаяся в исторической деятельности, специфика национальной культуры, ее самобытность. Таким образом, вычленение признака, который становится внутренней формой наименования в процессе метафоризации, связано с национальным характером восприятия окружающей действительности и имеет, соответственно, непосредственное отношение к прагматическим вопросам перевода.

Анализ конкретного языкового материала позволил вывести основные типы переводческих трансформаций. Так, случаи полной трансляции метафоры сопровождаются ее буквальным переводом. Однако такое возможно только тогда, когда заложенный метафорой образ одинаково близок обоим лингвокультурам. Наиболее распространенным явлением оказывается частичная трансляция оригинальной метафоры в текст пере-

вода, реализуемая посредством сравнительного оборота, использования всевозможных лексических замен, подбора вариативных соответствий, основанных на ином, но схожем мотивирующем образе. В большинстве случаев рассмотренные межъязыковые лексико-грамматические трансформации позволяют достичь высокой степени функциональной эквивалентности при переводе метафор.

Процесс трансляции художественного текста из одной лингвокультурной среды в другую затрудняется ввиду наличия метафор, носящих яркий национально-специфический характер, и отсутствия для них готовых соответствий в принимающем языке и культуре. В таких случаях ведущим типом трансформации является перефразированный перевод либо полное опущение метафоры, что обыкновенно сопровождается коммуникативно-прагматическими издержками в виде утраты метафорического образа и замещения его языковыми средствами с иным компонентом значения.

Литература

1. Вовк, В.Н. Языковая метафора в художественной речи. Природа вторичной номинации / В.Н. Вовк. – Киев: Наукова думка, 1988. – С. 127.
2. Гак, В.Г. Сочетаемость / В.Г. Гак // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 483.
3. Гальперин, И.Р. Очерки по стилистике английского языка / И.Р. Гальперин. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. – С. 123.
4. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В.Н. Комиссаров. – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
5. Коралова, А.Л. Семантическая природа образных средств в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук / А.Л. Коралова. – М.: Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тореза, 1975. – С. 19.
6. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живём / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: УРСС Эдиториал, 2004. – С. 112.
7. Нарский, И.С. Сборник статей: Диалектическое взаимодействие «рассудка» и «разума» в философии Гегеля / И.С. Нарский // От «рассудка» к «разуму». – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. – С. 34.
8. Петров, В.В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу / В.В. Петров // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 135.
9. Рецкер, Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Я.И. Рецкер. – М.: AUDITORIA, 2016. – 244 с.
10. Телия, В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция. Метафора в языке и тексте / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1988. – С. 47.
11. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь русского языка / Д.Н. Ушаков. – <https://ushakovdictionary.ru>
12. Фицджеральд, Ф.С. Великий Гэтсби / Ф.С. Фицджеральд; пер. с англ. Е.Д. Калашиковой. – М.: Эксмо, 2016. – 272 с.
13. Cambridge Dictionary. – <https://dictionary.cambridge.org>
14. Collins Online Dictionary. – <https://www.collinsdictionary.com>
15. Fitzgerald, F.S. The Great Gatsby / F.S. Fitzgerald. – М.: ИКАР, 2015. – 160 с.
16. Snell-Hornby, M. Translation studies: An Integrated Approach / M. Snell-Hornby. – Amsterdam: John Benjamins, 1995. – P. 62.

Веред Валерия Тарасовна, аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (Москва), val_cherry-merry@hotmail.com

Поступила в редакцию 20 июля 2019 г.

DOI: 10.14529/ling200111

ON RETAINING METAPHORICAL IMAGERY IN LITERARY TRANSLATION

V.T. Vered, val_cherry-merry@hotmail.com
Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

This article deals with the problem of the translation of metaphorical expressions in the literary text focusing on retaining their communicative and pragmatic functionality. In the research, the use of metaphor as a universal cognitive mechanism for the real-world objects nomination and the creation of artistic images is addressed. National linguistic and cultural features of the communicator creating

the metaphoric form are taken into account. By means of linguistic analysis of the form and content of the translated text compared to those of the source text, we have identified the cases of complete and partial metaphor translation, as well as we provided the description of the lexical and grammatical transformations. The impossibility of word-for-word metaphor translation of the source text is explained by both the peculiarities of the internal development of the languages and the nature of the nations' language worldviews. Omitted metaphor translation is considered to be a factor reducing the functional equivalence of the texts.

Keywords: metaphor, literary translation, translational transformations, translation, pragmatics, functional adequacy.

References

1. Vovk V.N. *Yazykovaya metafora v khudozhestvennoy rechi. Priroda vtorichnoy nominatsii* [Language Metaphor in Artistic Speech. Nature of the Secondary Nomination]. Kiev, Naukova Dumka, 1988. P. 127.
2. Gak V.G. Sochetayemost. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Co-occurrence Range. Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Soviet Encyclopedia, 1990. P. 483.
3. Gal'perin I.R. *Ocherki po stilistike angliyskogo yazyka* [Essays on the Functional Styles of the English Language]. Moscow, Publishing house of literature in foreign languages, 1958. 123 p.
4. Komissarov V.N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskiye aspekty)* [Theory of Translation (Linguistic Aspects)]. Moscow, Higher School. 1990. 253 p.
5. Korolova A.L. *Semanticheskaya priroda obraznykh sredstv v sovremennom angliyskom yazyke* [The Semantic Nature of Imaginative Means in Modern English]. Moscow, Publishing of the Moscow State Linguistic University, 1975. P. 19.
6. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, The University of Chicago Press. 191 p.
7. Narskiy I.S. *Sbornik statey: Dialekticheskoye vzaimodeystviye "rassudka" i "razuma" v filosofii Gegelya* [Collection of articles: Dialectic Interaction of Reason and Mind in Hegel's Philosophy]. Ekaterinburg, Publishing of the Ural University. 1992. P. 34.
8. Petrov V.V. *Metafora: ot semanticheskikh predstavleniy k kognitivnomu analiz* [Metaphor: from Semantic Representations to Cognitive Analysis]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Issues in Linguistic]. Moscow. 1990, no. 3. P. 135.
9. Retsker Ya.I. *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Ocherki lingvisticheskoy teorii perevoda*. [Translation Theory and Translation Practice. Essays on the Linguistic Theory of Translation]. Moscow, AUDITORIA, 2016. 244 p.
10. Teliya V.N. *Metafora kak model' smysloproizvodstva i yeye ekspressivno-otsenchnaya funktsiya. Metafora v yazyke i tekste* [Metaphor as a Model of Semantic Production and Its Expressive-evaluative Function. Metaphor in Language and Text]. Moscow, Nauka, 1988. P. 47.
11. Ushakov D.N. *Explanatory Dictionary of the Russian Language* [Tolkovyy slovar' russkogo yazyka]. URL: <https://ushakovdictionary.ru>
12. Fitzgerald F.S. *The Great Gatsby* [translated from English into Russian by E.D. Kalashnikova]. Moscow, Eksmo, 2016. 272 p.
13. Cambridge Dictationary. URL: <https://dictionary.cambridge.org>
14. Collins Online Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com>
15. Fitzgerald F.S. *The Great Gatsby*. Moscow, IKAR, 2015. 160 p.
16. Snell-Hornby M. *Translation Studies: An Integrated Approach*. Amsterdam, John Benjamins, 1995. P. 62.

Valeriya T. Vered, post-graduate student of the General and Russian Linguistics Department at Philological Faculty, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow), val_cherry-merry@hotmail.com

Received 20 July 2019

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Веред, В.Т. К вопросу о сохранении метафорического образа в художественном переводе / В.Т. Веред // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2020. – Т. 17, № 1. – С. 58–64. DOI: 10.14529/ling200111

FOR CITATION

Vered V.T. On Retaining Metaphorical Imagery in Literary Translation. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2020, vol. 17, no. 1, pp. 58–64. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling200111
